

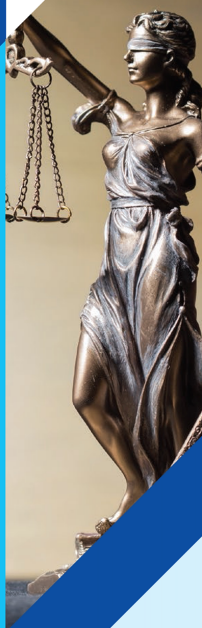

Санкт-Петербургский
государственный
университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЮРИДИЧЕСКИХ ДЕЛАХ
И ПРОЦЕДУРАХ**

18 мая 2021 года
г. Санкт-Петербург

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус
Р89

Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах.
Международная научно-практическая конференция. – СПб.:
Первый класс, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-604374733

© МАПРЯЛ, 2021
© Коллектив авторов, 2021
Издательство «Первый класс», 2021
Все права защищены

В.И. Шульженко

*Пятигорский государственный университет,
Российская Федерация, 357502,
Пятигорск, пр. Калинина, 9*

М.Ю. Сумская

*Филиал Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске,
Российская Федерация, 357502,
Пятигорск, ул. Кучуры, 8*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

В статье рассматривается жанр лингвистической экспертизы, объектом которой стал материал, размещенный в одном из популярных органов СМИ. Его публикация вызвала негативный резонанс у коренного населения одной из северокавказских республик, усмотревшего в ней покушение на национальное достоинство, плохо завуалированные выпады в свой адрес, а также призывы к межнациональной розни. В таких случаях жанр лингвистической экспертизы выполняет двойную роль: главную, суть которой состоит в составлении заключения о форме и характере оспариваемого истцом высказывания, и другую, все чаще востребованную в современной антропоцентрической парадигме мышления, когда филолог выступает как «эксперт в строительстве современных языковых культур» (Е.Д. Поливанов), слово которого обретает общественно значимую ценность. Более того, при естественном доминировании филологического дискурса возникает необходимость в междисциплинарном синтезе, определяющем содержательное своеобразие лингвистической экспертизы. Это предопределило апелляцию к компонентному семантическому анализу, обращению к логико-грамматическому и синтаксическому анализу, структурному и стилистическому методу, а также, где это представлялось необходимым, методу лингвистического комментирования, который временами пересекался с литературоведческим. Композиционно основная часть статьи строится с точки зрения текстового алгоритма, где большое значение придается логико-смысловой последовательности сформулированных вопросов, так как тем самым достигается решение двух весьма важных задач для восприятия самой экспертизы как речевого акта – целостности и нарративности. Авторы настаивают, что целостность, будучи сущностным качеством экспертизы как интеллектуального типа коммуникации, во многом способствует достижению истинности. Другой существенный признак современной экспертизы заключается в констатации внимания ее исполнителя на понятии «нарратив», без которого сегодня просто не обойтись, особенно при исследовании многих текстов, фигурирующих в судебных процессах. Важным в нашем случае оказалось использование концепта «культурная память» и связанного с ней понятия «травма».

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, междисциплинарный синтез, целостность, нарратив, межнациональное согласие.

Недавно отправленная в издательство рукопись нашей монографии, посвященная различным аспектам филологической экспертизы, содержит раздел, в котором размещены материалы, связанные с производством разного рода судебных экспертиз. Их за последние годы было не менее десятка, но уже первая, исполненная по просьбе одного известного адвоката, в молодости, кстати, работавшего учителем русского языка в школе, заставила сильно сомневаться в адекватности самого ее определения – «лингвистическая», ибо, по сути, она в отдельных своих фрагментах, ничуть не противореча логике и смыслополаганию своего функционально-целевого предназначения, апеллировала к целому ряду гуманитарных дисциплин, заметно откорректированному в недавнем постановлении ВАК. Это позволяет в значительной мере укрепить базу аргументации, обогатить ее мыслями и положениями, в истинности которых вряд ли будет сомневаться любой здравомыслящий человек. Благодаря таким с большой требовательностью, уместностью и, конечно же, с опорой на авторитетные источники отобранным аргументам позиция эксперта выглядит гораздо более убедительной. При этом, естественно, ни в коей мере нельзя пренебрегать доступностью и понятностью аргументов, пониманием их близости с установленными в обществе идеалами, мнениями и представлениями о справедливости и чести.

В деле, ставшем вначале основой лингвистической экспертизы, материалы которой затем трансформировались в объект исследования данной статьи, весьма важную роль играл фактор эмоционально-психического состояния самих обратившихся за экспертной помощью, среди которых преобладали люди уже весьма почтенного возраста, представлявшие народ, который в 1943–1944 годах подвергся абсолютно незаконной высылке из родных мест. Суть их просьбы заключалась в стремлении доказать, что опубликованные в одном из органов СМИ факты имеют экстремистский характер, сеют ненависть к их народу, обостряют межэтнические отношения в самом, пожалуй, конфликтном регионе России. Поэтому совершенно ожидаемо, публикация статьи в известной своими скандальными расследованиями газете практически мгновенно вызвала рост напряжения среди местного населения, тем более что «доля проживающих на территории Карачаево-Черкесской Республики русских является одной из самых весомых среди субъектов СКФО» [7, с. 131].

То есть, иными словами, предстоящая экспертиза из первоначально чисто процессуально-правовой процедуры приобрела коннотацию значимого общественного деяния. Что никоим образом не повлияло на объективность и непредвзятость ее выводов, ставших, в свою очередь, благодатной в информативном смысле базой для научной статьи, имеющей очевидный междисциплинарный характер, выразившимся, как это будет показано ниже, в абсолютно оправданном обращении к теоретическим постулатам не только одной филологии.

Итак, повторим, своеобразным «полевым» материалом данной работы стала ранее проведенная нами лингвистическая экспертиза статьи, опубликованной в газете «Совершенно секретно» (№ 9 от 23 марта 2015 года), некогда чрезвычайно популярной, но сегодня утратившей в немалой степени читательский интерес из-за явной перенасыщенности медиарынка всевозможными – с непременным «душком» – «расследованиями», начиная с профессиональных интерпретаторов всемирной и российской истории и заканчивая истеричными эскападами бывших футбольных звезд на канале «Матч ТВ». Материалу был предпослан заголовок в духе псевдопиара советских времен – «“Интернационализм” по-карачаевски», и его автором значился Владимир Воронов. Уже 4 сентября того же года на сайте прокуратуры Карачаево-Черкесской Республики появилось сообщение о том, что городским судом Черкесска был удовлетворен ее иск о признании опубликованной в газете «Совершенно секретно» статьи экстремистским материалом. Здесь можно было бы поставить точку в этой далеко не безупречной с этической точки зрения истории. Однако к завершившемуся, казалось бы, удовлетворивших обе стороны итогом делу неожиданно подключилась небезызвестная Региональная общественная организация содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр «Сова», основанная еще в 2002 году и уже в 2016-м внесенная в реестр некоммерческих организаций, «выполняющих функции иностранного агента». В названном «историческом очерком» материале Воронова эта самая «Сова» никаких признаков экстремизма не обнаружила, зато одновременно уличила суд и прокуратуру КЧР в стремлении «убрать из общественного доступа любую информацию, не соответствующую официозному образу жителей своей республики» [4]. Этим обстоятельством, но еще гораздо в большей степени убежденностью в несомненной общественной значимости и не потерявшей, к сожалению, актуальности, мы и

объясняем нынешнее «возвращение к теме», избрав для ее публичной репрезентации авторитетную трибуну Петербургского международного юридического форума и обратившись при этом к вполне понятной смене жанровых парадигм.

Что, естественно, требует пусть кратко, но структурно предполагаемого упоминания о методах и приемах, использованных в процессе дискурсионной трансформации материалов судебной экспертизы в текст научной статьи. Они, кстати, не претерпели существенных изменений, что говорит об определенной – ситуативной – близости по целому ряду параметров двух стилей речи – официально-делового и научного. Это выразилось в нашей приверженности контекстуальному анализу, непременно сопровождаемому техникой кристаллизации смысла. В отношении используемой авторами лексики мы стремились оставаться в рамках системности, что позволило там, где это было необходимо, трактовать слово или понятие в семантико-семиотическом аспекте. Сознвая особую роль методологической и теоретической основы любого научного исследования, напомним и об основополагающейся для нас идеи антропоцентризма, значимость которой особенно четко проявилась в прерогативе принципа динамичной взаимосвязи языка и культуры как в самой статье, так и в собственных комментариях о ней.

Переходя к основной части, считаем важным напомнить, что структура лингвистической экспертизы обязательно включает констатацию перечня вопросов, которые предполагается решить в ходе исследования. Причем здесь с точки зрения текстового алгоритма большое значение придается логико-смысловой последовательности сформулированных вопросов, так как тем самым достигается решение двух весьма важных задач для восприятия самой экспертизы как речевого акта – целостности и нарративности. Целостность будучи сущностным качеством экспертизы как интеллектуального типа коммуникации способствует достижению истинности. К ней же, кстати, стремится и сама породившая экспертизу статья из «Совершенно секретно» – типичный продукт современной журналистики. Она сегодня едва ли не полностью входит в состав словесности, при условии когда ее тексты не притязают на императивное восприятие, «в отличие от законов, декретов, государственных актов, учебников, технических руководств и т.д.» [6, с. 57]. Претендующая в нашем случае на образец нон-фикционального (а значит, и на «литературность» в якобсоновском

смысле) письма статья терпит фиаско, ибо столь существенная для традиционной «литературности» нарративность основывается на субъективных взглядах автора текста. Не случайно в нарратологии столь важным является вопрос об авторе, о личности, если хотите, рассказчика, от чего наш автор пытается всячески откеститься, создать впечатления своей максимальной непричастности к «модусу художественности» принадлежащего ему текста.

Так вот, мы были обязаны ответить на вопросы: а) о выражении использованных в статье В. Воронова «”Интернационализм” покарачаевски» словесных (изобразительных) средств, унижительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок и негативных установок в отношении карачаевского народа или отдельных лиц как его представителей; б) о возможности восприятия читателями заголовка статьи с последующими авторскими комментариями к форме воздействия на сознание, волю и поведение людей для формирования побуждения к национальной розни; в) о наличии в статье фактов, указывающих на существование якобы имеющей длительную историю вражды между русским и карачаевским народами; г) о влиянии приводимых в статье статистических данных на разжигание национальной розни.

При вполне естественной заинтересованности каждого граждански ответственного человека к подобному роду материалам, для эксперта-филолога они важны не так часто случающейся возможностью одновременно использовать в профессиональной деятельности комплекс разных методических алгоритмов. В нашем случае он включал компонентный семантический анализ и метод семантического дифференциала. Мы одновременно обращались к логико-грамматическому и синтаксическому анализу, структурному методу, методу сопоставления других авторских работ, стилистическому методу, и, где это представлялось необходимым, методу лингвистического комментирования, который временами пересекался с литературоведческим. В некоторых случаях необходимо было использовать возможности контент-анализа, предполагающего способ качественно-количественного анализа содержания документа с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в нем.

Кроме того, сравнительно-сопоставительный анализ составляющих текст фрагментов, будучи в данном случае не научным

методом познания действительности, а прежде всего лингвистико-экспертной стратегией, наиболее релевантной искомому типу процедур и в максимальной степени соответствующей выявлению закономерностей и особенностей вербального конструирования текстов правовой направленности, предоставил возможность выстроить композицию данной статьи в виде научного комментария наших ответов на заданные когда-то прокурором вопросы.

Первый из них, напомним, касался ментальной карты – свойств карачаевцев как народа. Причем с очевидным и настойчиво подчеркиваемым отрицательным вектором. Опираясь на положение ст. 282 УК РФ, мы напомним, что под нормой понимается любой целенаправленный акт внешней практической деятельности, включая речевое изложение мысли и иные формы передачи информации языковыми или изобразительными средствами. Таким действием, по нашему мнению, обладали некоторые фрагменты искомой статьи, содержащие отрицательную эмоциональную оценку и формирующие негативную установку в отношении определенной этнической (национальной) группы, в данном случае – карачаевского народа.

Как известно, понятие «интернационализм» является антитезой национализма, и если оно поставлено автором в кавычки, подчеркивали мы, то он тем самым прямо намекает, что имеет в виду нечто противоположное, то есть название статьи без кавычек следует читать как «Национализм по-карачаевски», а это уже, естественно, прецедент иного порядка, требующий судебного разбирательства.

Было также обращено внимание на то, что автор статьи, сделав слово «интернационализм» ключевым, сам того, возможно, не желая, указал на ее истинное целеполагание – не осуждение национальной политики в СССР, что присутствует в тексте как внешняя – исполняющая чисто камуфляжную задачу – канва, а реанимация явно нездорового публичного интереса к двум далеко неоднозначным периодам в истории карачаевского народа, которые изложены в статье в явно оскорбительном для него ракурсе. Причем преподнесено это было не с помощью авторской речи, а цинично-изобретательно – цитатами из секретной записки тогдашнему председателю КГБ Ю. В. Андропову, в духе типичного репрессивно-карательного дискурса советской эпохи.

В связи с этим нами подчеркивалось, что слово «по-карачаевски» является наречием и обозначает «как свойственно карачаевцам, как характерно для них или для Карачая». Следовательно,

употребляя его, пишущий или говорящий имеет в виду весь народ, всю его культуру, традиции и обычаи. Вынося в заголовок слова «интернационализм» и «по-карачаевски», В. Воронов настаивает, что описанные им в статье формы и проявления этого самого «интернационализма» присущи каждому карачаевцу, что, естественно, находится в явном противоречии с огромным количеством фактов, свидетельствующих о высоких морально-этических свойствах национального характера. Симптоматично, что, употребив в заглавии в глобалистском духе наречие «по-карачаевски», он изощренно манипулирует в нужном для себя контексте цитацией государственной важности документа под грифом «совершенно секретно», в котором, наглядно опровергая автора, говорится только лишь об «определенной части», «отдельных категориях» коренного населения Карачаево-Черкесской автономной области.

В филологическом смысле феномен заголовка, если иметь в виду второй вопрос, вообще представляется слоганом-шедевром провокационного пиара. Достаточно поверхностного взгляда, чтобы определить, что он явно скроен по принципу рекламного текста, столь ныне распространенного в окружающем нас коммуникативном пространстве, и включает в себя два высказывания: собственно название статьи – «"Интернационализм" по-карачаевски») и подзаголовок – «1980 ГОД: ИЗНАСИЛОВАНИЯ ПОД ЛОЗУНГОМ «ТАК БУДЕТ СО ВСЕМИ РУССКИМИ», набранный в газетном варианте статьи именно прописными буквами (шрифт, напомним, является важным элементом изобразительной компоненты публичного текста). Как того и требуют каноны рекламного дискурса, заголовок должен быть легко читаемым и не содержать сложных для понимания слов. Но самое главное – он должен как можно лучше отразить суть рекламного текста, а в нашем случае – приковать к себе внимание даже тех, кто и о самих карачаевцах, собственно, не очень-то хорошо осведомлен. И тут, согласно рекламной «классике», становится особенно значимой роль только что упомянутого подзаголовка: он не только связывает заголовок и основной текст, а – вот в чем фишка! – обязан воплощать его главную идею.

Между ними помещена фотография стоящих в кругу кавказских старцев, которую заголовок, согласно рекламным законам, должен дополнить и конкретизировать. Но в данной статье этого не происходит: заголовок и фотография просто противоречат друг другу, вызывая

очевидный когнитивный диссонанс, а присутствие фотографии убеленных сединами стариков в данном месте просто безнравственно. Такого рода заголовочные комплексы носят явно провоцирующий характер, еще более усиливающийся из-за кощунственного эффекта, который производит искусственно прикрепленный к фотографии – явно не из благородных намерений и не без злого умысла – подзаголовок. Вырванный из контекста, репрезентованный в однозначно негативно трактуемом логико-грамматическом смысле, содержащем угрозу насилия над русским народом, и, как было сказано выше, маркированный на газетной странице специальными типографскими средствами, этот вопиющий образец публичного глумления над целым народом вольно-невольно становится мощной формой воздействия на сознание и волю только что начавшего читать статью человека, формируя в его сознании статус очевидного призыва к возбуждению национальной розни. Подобные журналистские перлы, безнравственное отношение к свободе слова порождают напряженность в обществе, вызывают чувство опасности в ситуации сосуществования разных национальностей и вероисповеданий в едином государственном образовании.

Потенциально опасной представляется и искусно формируемая в газетной публикации мысль, что именно русские являются главным объектом ненависти карачаевцев (пусть и не всех, а только «радетелей восстановления национальной справедливости»). Другие «некарачаевские» народы, как ни странно, в статье не называются, что выглядит достаточно симптоматично; говорится об «антивирусных настроениях», «неприязни к русским» и т.д. Репродуцированные в принципиально иную историческую эпоху в склонном к сенсационности (часто ложной и фальшивой) издании, при этом выделенные особым шрифтом слова-угрозы «Так будет со всеми русскими», могут быть действительно восприняты определенными людьми как лозунг, призывающий к расправе над ними и их близкими.

Следует подчеркнуть, что в недавнем прошлом менее кровавый лозунг националистов в бывших советских республиках: «Чемодан, вокзал, Россия» – вынудил миллионы русских сняться с обжитых мест. Испить горькую чашу изгнания, насилия, бесправия. Автор, с завидной методичностью и настойчивостью реализует свой замысел, демонстрирует отличное владение приемами монтажа, суть которого заключается в изощренной перетасовке фрагментов неких официальных документов и своих предельно коротких, но играющих

роль смысловых центров, комментарий: «Уже ясно <...> ситуация в Карачаево-Черкессии не просто тревожна, а на *границе взрыва*» (*курсив наш.* – В.Ш., М. Ю.). Речь, напомним, идет о проявлении ненависти карачаевцев к русским в 1980 году (!), причем для авторского стиля при этом характерно тщательное проговаривание сталинской лексики, умевшей ставить тавро на все, что обрекалось на репрессивные меры. Автору явно не хочется списывать в архив этот тоталитарный язык, он ему очевидно приятен и явно завораживает его.

Или такой, полный двусмысленности, отдающий лицемерием прием, когда журналист вскользь упоминает о стремлении оккупировавших часть Северного Кавказа немцев «организовать из карачаевцев вооруженные антисоветские формирования». Сразу же после этого, в следующем абзаце, приводится обширная цитата из «официальной версии» с перечислением «преступлений» карачаевцев, чем начисто дезавуируется демонстрируемый ранее нейтралитет, вопреки не только логике, но и элементарной порядочности. Подчеркнем, что автор ни разу не обмолвился о существовании целого ряда важнейших государственных документов, которые восстановили историческую справедливость в отношении карачаевского народа, тем самым переводя статус сталинских законов той поры в разряд свидетельств человеческой трагедии. Поэтому апелляция к ним не может рассматриваться иначе как «определенный тип некрофилии, в основе которой ксенофобия, национальная ограниченность, ненависть к Другому» [8, с. 270].

Помятуя о совсем не чуждом нам «антропологическом повороте» в гуманитарных науках, не можем здесь оставить без внимания собственно механизмы, способствующие сохранению «культурной памяти» (это не совсем то, что немецкий язык передает как *Gedächtnisforschung*). Этот интерес присущ не только литературоведам, но также и «психологам, социологам, когнитивистам, занимающимся формами и функциями прошлого в повседневной жизни современного общества» [9, с. 80], хотя сегодня уже вряд ли удастся обойтись без основных методов и парадигм, которые используются в исследовательском поле при анализе внеиндивидуальных аспектов памяти. Отсюда, собственно, наш интерес к упомянутой выше нарратологии, стремление сделать более существенным акцент на описании нарратива, его характеристик и свойств. Тем более что эта исследовательская интенция как нельзя лучше соответствует самой сути проговаривания или другого какого-

либо эксплицирования памяти, которая специалистами по практикам коммеморации всегда представляется выбором нарративов, игрой фреймами.

Отсюда лишь косвенно о проблеме, сознаваемой специалистами неопределенности самого понятия «память», отсутствие позволяющих ее идентифицировать критериев. Равно как и о проблеме самой мемориализации памяти, ибо до сих пор трагические события прошлого не стали для всех однозначными и память о них провоцирует социальные и политические конфликты между представителями разных народов, приводит часто к плохо скрываемому замалчиванию памяти, к стремлению сделать ее «как бы не бывшей». Сказанное тесно переплетается с принявшими невиданный размах манипуляциями с визуальной информацией, с принявшим тотальный характер микшированием анонимных видеоматериалов о насилии, подрывающих и разрушающих память.

Авторы, пусть и представляющие различные гуманитарные науки, однако имеющие определенный опыт работы на ниве журналистики, не могли оставить без внимания совсем не безобидную в данном случае манипуляцию статистическими данными, способствующую разжиганию национальной розни. Вольное обращение со статистикой сразу ставит под вопрос наличие элементарных представлений о специфике журналистской работы, порождает сомнения в правильном восприятии Вороновым профессиональной этики. Нельзя не помнить об особой значимости структуры журналистского текста, когда важно не только и не столько ЧТО сказано, а КАК сказано; часто КАК и составляет ЧТО, поэтому в такого рода текстах не должно быть ничего случайного, помещенного ради красного словца, желания прослыть сведущей о всех «тайнах мира» фигурой.

Снабдив свой текст столь эпатажным, требующим немедленной читательской реакции подзаголовком, вызывающим легко прогнозируемый приступ кавказской ксенофобии (к сожалению, возведенной некоторыми нашими согражданами в ранг мировоззрения), автор о нем как-то по-детски тут же забывает. Он пускается в исторический экскурс, описывающий выселение карачаевского народа в 1943 году и его последствия. Назвав официальные цифры человеческих потерь, имевших место в ходе депортации, количество судебных дел за измену Родине и привлеченных к ответственности, автор вновь «забывает» сказать об их исторической несправедливости,

жертвой которой, по сути, стал целый народ, положивший на алтарь нашей общей победы над фашизмом тысячи жизней и давший стране несмотря на свою малочисленность 11 Героев Советского Союза.

Есть все основания говорить о семантическом сходстве (сопряжении) заголовочно-финального комплекса, искусно маскирующего истинные мотивы публикации. И в заголовке (как мы уже выше описывали), и в резюмирующей части статьи возникает ощущение все того же когнитивного диссонанса, буквально режущей слух весьма ощутимой асимметрии. Это напряжение возникает между логико-грамматической структурой предложений, входящих в последний фрагмент, и внутренними интенциями, которые они в себе содержат. О первой уже было сказано, тогда как в расположенной в конце второй автор, сбрасывая маску беспристрастия, зримо негодует на якобы чреватую тяжелыми последствиями беспечность нынешней власти к преступникам-карачаевцам, что свидетельствует, по его мнению, об «эрозии и даже крахе действительно *фундаментальных скреп государства*» (выделено нами. – В. Ш., М. Ю.). Он буквально взбешен этой «атрофией власти», которая неспособна «даже предложить хоть что-то...». Вот в этом «хоть что-то...», с красноречивым многоточием (а не с восклицательным знаком, вполне оправданным здесь по пафосу фразы), которым и заканчивается статья, заключается явная двусмысленность, возникшая из вербально выраженного сознательного намерения и одновременного осуществления бессознательного желания. Чуть раньше, опять-таки по причине безнаказанности все тех же карачаевских хулиганов, не в силах скрыть своей мстительной досады, он в традициях уличного театра гневно воскликнет: «Это уже край!» И выдает себя с головой, так как «хоть что-то...» и «Это уже край!» оказываются в контексте опубликованного в «Совершенно секретно» материала высказываниями одного семантического и эмоционально-чувственного порядка.

...Все это очень напоминает то, о чем много размышлял, по свидетельству Г. А. Белой, перед смертью Мераб Мамардашвили. Философ поражался странной способности «советской культуры оперировать фикциями и версиями: общество оперировало языком, который не был адекватен реальности» [3, с. 170]. Он назвал это явление «фокусническим устранением реальности» и не казенный, официальный язык он имел в виду, подчеркивает Белая, а «псевдоназвания», обладающие «"зарядом отрицательной, порочной энергии", исходящей от ложной парафразы» [3, с. 171].

В заключение отметим, что филологический дискурс, доминировавший, естественно, в данной статье, не только продемонстрировал необходимость дальнейшего теоретического осмысления лингво-правового текстуального симбиоза, коим как раз и стала положенная в ее основание экспертиза. Он позволил обнаружить наличие мощного пацифистского потенциала лингвистической экспертизы, выявил значимость участвующих в ее создании междискурсионных практик для противодействия не столь уж редких в наше время экстремизму и разжиганию межэтнической вражды.

Таким образом, выделение лингвистической экспертизы в отдельную сферу исследований отвечает насущным задачам стремительно набирающей вес и значение юридической лингвистики как в системе высшего образования, так и курсового обучения, будь то достаточно традиционная юридическая риторика, так и подготовка специалистов-переводчиков в области борьбы с международной организованной преступностью и терроризмом. Кроме того, такое взаимодействие дисциплин должно быть оценено «не только как средство и способ формирования профессиональных компетенций будущих выпускников, но и как возможность развить в студентах гражданскую позицию» [1, с. 172].

Особо следует оговорить так называемые «отсроченные последствия» выполненной нами экспертизы уже вне судебно-процессуальных рамок самого рассматриваемого дела. Имеется в виду ее роль в качестве «весьма убедительного мотива для привлечения студентов юридического направления подготовки, основную массу которых составляет молодежь северокавказских республик, к самому феномену экспертизы как важной компоненте судебной процедуры в цивилизованном обществе» [2, с. 85].

Наша статья побуждает к принятию Минобром решения о безотлагательном введении в учебные планы двух образовательных направлений подготовки в вузах – правового и филологического – «перекрестного» (как это обозначено в анонсировании ПМЮФ) принципа преподавания целого ряда дисциплин, взаимовыгодного, как показал опыт, для студентов той и другой специальности. «Перекрестный» эффект возникает благодаря сегодня четко осознаваемому специалистами учебному потенциалу при работе над экспертизой для студентов-филологов, как для будущих русистов, так и тех, кто готовится стать переводчиком в юридической сфере.

«Перекрестный» эффект несомненно окажет влияние и на проблему особой актуализации сегодня качественной правореализации заключающейся в необходимости придания ясности правовым актам, реализации принципа для доступности их понимания каждым членом общества. Для качественной правореализации уже недостаточно только факта официальной репрезентации нормативных актов. Сознвая взаимосвязь лингвистического и юридического качеств текста, которые будут «способствовать более четкому формулированию идей, заложенных в правовой или судебный акт» [5, с. 50].

И последнее. Если задуматься над самой «моделью» жанра лингвистической экспертизы, то он, по сути, очень хорошо сопоставляется с тем, что ныне называется «кейсом», в котором зримо присутствуют все признаки сакрального, незримыми нитями прочно связанного с повседневными практиками человеческого взаимодействия, как бы имеющего отношение к хорошо нами осознаваемому недавнему историческому прошлому, но одновременно буквально накладывающегося на самое актуальное настоящее и, вне всякого сомнения, не представимого без нашего общего российского будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авиаров А.Г., Шульженко В.И.* Кластер «Дополнительное образование» в стратегии формирования опорного университета // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 3. С. 171–175.
2. Актуальные проблемы духовной жизни личности и общества: региональный аспект: Коллектив. монография / Под ред. А. В. Антюхиной. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ. 2014. 162 с. С. 83–95.
3. *Белая Г. А.* «Фокусническое устранение реальности» (О понятии «роман-эпопея») // Вопросы литературы. 1998. №3. С. 170–201.
<https://voplit.ru/2021/03/29/fokusnicheskoe-ustranenie-realnosti-o-ponyatii-roman-eroreya/>
4. В Карачаево-Черкесии признали экстремистской статью о служебной записке Андропова // РОО Центр «Сова» www.sova-center.ru
5. *Савельев Д.А.* Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.
6. *Тюна В. И.* «Теория литературы два» как гуманитарная угроза // Вопросы литературы. 2019. № 1. С.52–66.

7. Шульженко В. И. Геокультурные основания проективной деятельности в сфере туризма и рекреации // Университетские чтения - 2013. 2013. С. 127–132.

8. Шульженко В. И. Поэтика теракта в «кавказском тексте» русской литературы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 267–271.

9. Шульженко В.И., Сумская М. Ю. Страницы «неофициальной» войны в «кавказском тексте» русской литературы // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова. 2015. С. 79–84.

LINGUISTIC EXPERTISE AS A MEANS OF MAINTAINING INTERETHNIC HARMONY

Viacheslav I. Shulzhenko

Pyatigorsk State University,

9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357502, Russian Federation

Marina Yu. Sumskaia

Branch of the Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk,

8 Kuchuru str., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation

The article examines the genre of linguistic expertise, the object of which was the material posted in one of the popular media outlets. Its publication caused a negative resonance among the indigenous population of one of the North-Caucasian republics, who saw in it an attempt on national dignity, poorly veiled attacks against them, and also calls for interethnic hatred. In such cases, the genre of linguistic expertise plays a double role: the main one, the essence of which is to draw up an opinion on the form and nature of the statement contested by the plaintiff, and another, characterised by the augmentation in demand in the modern anthropocentric paradigm of thinking, when the philologist acts as an “expert in the construction of modern linguistic cultures” (ED Polivanov). Moreover, with the natural dominance of philological discourse, there is a need for an interdisciplinary synthesis that determines the content-specific originality of linguistic expertise. This predetermined the appeal to component semantic analysis, the appeal to logical-grammatical and syntactic analysis, structural and stylistic methods, where it seemed necessary, the method of linguistic commenting, which at times intersected with literary criticism. Compositionally, the main part of the article is built from the point of view of a textual algorithm, where great importance is attached to the logical-semantic sequence of the formulated questions, since this achieves the solution of two very important tasks for the perception of the examination itself as a speech act - integrity and narrative. The authors insist that integrity, being an essential quality of examination as an intellectual type of communication, largely contributes to the achievement of truth. Another essential feature of modern expertise is the statement of the performer’s attention to the concept of “narrative”, which today simply cannot be done without one, especially when studying many texts that appear in court proceedings. In our case, it turned out to be important to use the concept of “cultural memory” and the concept of “trauma” associated with it.

Keywords: linguistic expertise, interdisciplinary synthesis, integrity, narrative, interethnic harmony.

Контактная информация:

Шульженко Вячеслав Иванович – д-р филол. наук, проф.;

slawick.shulzhenko@yandex.ru